

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Г. Скребицкий

ЛЕСНОЙ ГОЛОСОК

Лесной голосок

Г. Скребицкий

Г. Скребшукский

ЛЕСНОЙ ГОЛОСОК

Художник
А. Воробьев

«СТРЕКОЗА-ПРЕСС» 2003

**ББК 84(2)
С 45**

ISBN 5-94563-213-9

© Насл. Г. Скребицкого, 2003
© Состав. «Стрекоза-Пресс», 2003
© Илл. А. Воробьев, 2003
© «Стрекоза-Пресс», 2003

Лесное эхо

Мне было тогда лет пять или шесть. Мы жили в деревне.

Однажды мама пошла в лес за земляникой и взяла меня с собой. Земляники в тот год уродилось очень много. Она росла прямо за деревней, на старой лесной вырубке.

Как сейчас помню я этот день, хотя с тех пор прошло более пятидесяти лет. День был по летнему солнечный, жаркий. Но только мы подошли к лесу, вдруг набежала синяя тучка, и из неё посыпался частый крупный дождь. А солнце всё продолжало светить. Дождевые капли падали на землю, тяжело шлёпались о

листья. Они повисали на траве, на ветвях кустов и деревьев, и в каждой капле отражалось, играло солнце.

Не успели мы с мамой стать под дерево, как солнечный дождик уже кончился.

— Погляди-ка, Юра, как красиво, — сказала мама, выходя из-под веток.

Я взглянул. Через всё небо разноцветной дугой протянулась радуга. Один её конец упирался в нашу деревню, а другой уходил далеко в заречные луга.

— Ух, здорово! — сказал я. — Прямо как мост. Вот бы по нему пробежаться!

— Ты лучше по земле бегай, — засмеялась мама, и мы пошли в лес собирать землянику.

Мы бродили по полянам возле кочек и пней и всюду находили крупные спелые ягоды.

От нагретой солнцем земли после дождя шёл лёгкий пар. В воздухе пахло цветами, мёдом и земляникой. Потянешь носом этот чудесный запах — будто какой-то душистый, сладкий напиток глотнёшь. А чтобы это ещё больше походило на правду, я срывал землянику и клал её не в корзиночку, а прямо в рот.

Я бегал по кустам, стряхивая с них последние дождевые капли. Мама бродила тут же не-

подалёку, и поэтому мне было вовсе не страшно заблудиться в лесу.

Большая жёлтая бабочка пролетела над полянкой. Я схватил с головы кепку и помчался за ней. Но бабочка то спускалась к самой траве, то поднималась вверх. Я гонялся, гонялся за ней, да так и не поймал — улетела куда-то в лес.

Совсем запыхавшись, я остановился и огляделся кругом. «А где же мама?». Её нигде не было видно.

— Ау! — закричал я, как, бывало, кричал возле дома, играя в прятки.

И вдруг откуда-то издали, из глубины леса, послышалось ответное: «Ау!».

Я даже вздрогнул. Неужели я так далеко убежал от мамы? Где она? Как же её найти? Весь лес, прежде такой весёлый, теперь показался мне таинственным, страшным.

— Мама!.. Мама!.. — что было сил завопил я, уже готовый расплакаться.

«А-ма-ма-ма-ма-а-а-а!» — будто передразнил меня кто-то вдали. И в ту же секунду из-за соседних кустов выбежала мама.

— Что ты кричишь? Что случилось? — испуганно спросила она.

— Я думал, ты далеко! — сразу успокоившись, ответил я. — Там в лесу кто-то дразнится.

— Кто дразнится? — не поняла мама.

— Не знаю. Я кричу — и он тоже. Вот послушай! — И я опять, но уже храбро, крикнул: — Ау! Ау!

«Ау! Ау! Ау!» — отозвалось из лесной дали.

— Да ведь это эхо! — сказала мама.

— Эхо? А что оно там делает?

— Ничего не делает. Твой же голос отдается в лесу, а тебе кажется, что кто-то тебе отвечает.

Я недоверчиво слушал маму: «Как же это так? Мой же голос — и мне отвечает, да ещё когда я уже сам молчу!»

Я опять попробовал крикнуть:

— Иди сюда!

«Сюда-а-а-а!» — откликнулось в лесу.

— Мама, а может, там всё-таки кто-нибудь дразнится? — нерешительно спросил я. — Пойдём-ка посмотрим.

— Вот глупый какой! — засмеялась мама. — Ну пойдём, если хочешь, только никого мы с тобой не найдём.

Я взял маму на всякий случай за руку: «Кто его знает, что это за эхо!», и мы пошли по дорожке в глубь леса. Изредка я покрикивал:

— Ты здесь?

«Зде-е-е-сь!» — отвечало впереди.

Мы перебрались через лесной овраг и вышли в светлый берёзовый лесок. Тут было совсем не страшно.

Я отпустил мамину руку и побежал вперёд.

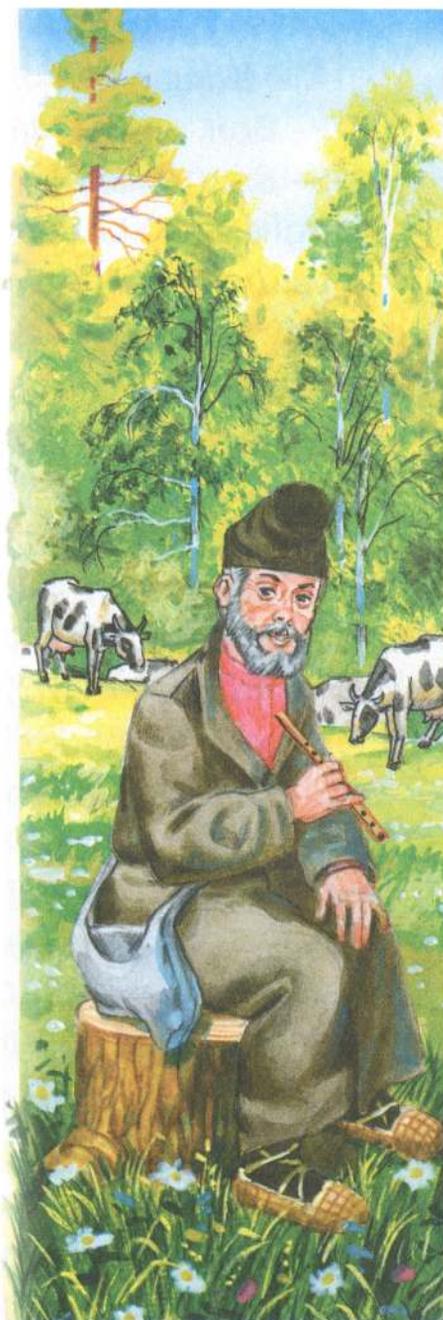
И вдруг я увидел «эхо». Оно сидело на пеньке спиной ко мне. Всё серое, в серой лохматой шапке, как леший с картинки из сказок. Я вскрикнул и бросился назад к маме:

— Мама, мама, вон эхо на пеньке сидит!

— Что ты всё глупости говоришь! — рассердилась мама.

Она взяла меня за руку и храбро пошла вперёд.

— А оно нас не тронет? — спрашивал я.

— Не дури, пожалуйста, — ответила мама.
Мы вышли на полянку.

— Вон, вон! — зашептал я.

— Да это же дедушка Кузьма коров пасёт!

Услышав мамин голос, «эхо» обернулось, и я увидел знакомую белую бороду, усы и брови, тоже белые, как из ваты, будто их нарочно приклеили к загорелому, сморщенному, как печёное яблоко, лицу.

— Дедушка, а я думал, ты — эхо! — закричал я, подбегая к старику.

— Эхо? — удивился тот, опуская деревянную дудочку-жалейку, которую он выстругивал ножом. — Эхо — это, милый, не человек. Это лесной голос.

— Как «лесной голос»? — не понял я.

— А так. Ты крикнешь в лесу, а он тебе и откликнется. Каждое деревце, каждый кустик отзвук даёт. Вот послушай, как мы с ними переговариваемся.

Дед поднял свою дудочку-жалейку и заиграл нежно, протяжно. Он играл, словно напевал какую-то грустную песенку. А где-то далеко-далеко в лесу ему вторил другой такой же голос.

Подошла мама и села на соседний пенёк. Дедушка кончил играть, и эхо тоже кончило.

— Вот, сынок, слышал теперь, как я с лесом перекликаюсь? — сказал старик. — Эхо — это сама душа леса. Что птица свистнет, что зверь закричит — всё тебе передаст, ничего не скроет. А ты ходи по лесу да слушай его. Оно тебе всю лесную тайну откроет.

Так я тогда и не понял, что же такое эхо. Но зато на всю жизнь полюбил его, полюбил, как таинственный голос леса, как песню жалейки, как старую детскую сказку.

И теперь, через много-много лет, только услышу эхо в лесу — сразу вспоминается мне: солнечный день, берёзы, полянка и посреди неё на старом пне что-то лохматое, серое. Может, это наш деревенский пастух сидит, а может, и не пастух, а сказочный дедушка-леший. Сидит он на пеньке, строгаёт кленовую дудочку-жалейку. А потом будет играть на ней в тихий вечерний час, когда засыпают деревья, трава и цветы и медленно из-за леса выбирается рогатый месяц и наступает летняя ночь.

Пушок

В доме у нас жил ёжик, он был ручной. Когда его гладили, он прижимал к спине колючки и делался совсем мягким. За это мы его прозвали Пушок.

Если Пушок бывал голоден, он гонялся за мной, как собака. При этом ёж пыхтел, фыркал и кусал меня за ноги, требуя еды.

Летом я брал Пушка с собой гулять в сад. Он бегал по дорожкам, ловил лягушат, жуков, улиток и с аппетитом их съедал.

Когда наступила зима, я перестал брать Пушка на прогулки, держал его дома. Кормили мы теперь Пушка молоком, супом, мочёным хлебом. Наестся, бывало, ёжик, заберётся за печку, свернётся клубочком и спит. А вечером вылезет и начнёт по комнатам бегать. Всю ночь бегают, лапками топает, всем спать мешает. Так он у нас в доме больше половины зимы прожил и ни разу на улице не побывал.

Но вот собрался я как-то на санках с горы кататься, а товарищей во дворе нет. Я и решил взять с собою Пушка. Достал ящичек, на-

стелил туда сена и посадил ежа, а чтобы ему теплей было, сверху тоже сеном закрыл. Ящик поставил в санки и побежал к пруду, где мы всегда катались с горы.

Я бежал во весь дух, воображая себя конём, и вёз в санках Пушки.

Было очень хорошо: светило солнце, мороз щипал уши, нос. Зато ветер совсем утих, так что дым из деревенских труб не клубился, а прямыми столбами упирался в небо.

Я смотрел на эти столбы, и мне казалось, что это вовсе не дым, а с неба спускаются толстые синие верёвки и внизу к ним привязаны за трубы маленькие игрушечные домики.

Накатался я досыта с горы, повёз санки с ежом домой. Везу — вдруг навстречу ребята: бегут в деревню смотреть убитого волка. Его только что туда охотники привезли.

Я поскорее поставил санки в сарай и тоже за ребятами в деревню помчался. Там мы пробыли до самого вечера. Глядели, как с волка снимали шкуру, как её расправляли на деревянной рогатине.

О Пушки я вспомнил только на другой день. Очень испугался, не убежал ли он куда. Сразу

бросился в сарай, к санкам. Гляжу — лежит мой Пушок, свернувшись, в ящичке и не двигается. Сколько я его ни тряс, ни тормошил, он даже не пошевелился. За ночь, видно, совсем замёрз и умер.

Побежал я к ребятам, рассказал о своём несчастье. Погоревали все вместе, да делать нечего, и решили похоронить Пушка в саду, закопать в снег в том самом ящичке, в котором он умер.

Целую неделю мы все горевали о бедном Пушке. А потом мне подарили живого сыча — его поймали у нас в сарае. Он был дикий. Мы стали его приручать и забыли о Пушке.

Но вот наступила весна, да какая тёплая! Один раз утром отправился я в сад: там весной особенно хорошо — зяблики поют, солнце светит, кругом лужи огромные, как озера. Пробираюсь осторожно по дорожке, чтобы не начерпать грязи в калоши. Вдруг впереди, в куче прошлогодних листьев, что-то завозилось. Я остановился. Кто это — зверёк? Какой? Из-под тёмных листьев показалась знакомая мордочка, и чёрные глазки глянули прямо на меня.

Не помня себя, я бросился к зверьку. Через

секунду я уже держал в руках Пушка, а он обнюхивал мои пальцы, фыркал и тыкал мне в ладонь холодным носиком, требуя еды.

Тут же на земле валялся оттаявший ящичек с сеном, в котором Пушок благополучно проспал всю зиму. Я поднял ящичек, посадил туда ежа и торжественно принёс домой.

Сиротка

Принесли нам ребята небольшого сорочонка... Летать он ещё не мог, только прыгал. Кормили мы его творогом, кашей, мочёным хлебом, давали маленькие кусочки варёного мяса; он всё ел, ни от чего не отказывался.

Скоро у сорочонка отрос длинный хвост и крылья обросли жёсткими чёрными перьями. Он быстро научился летать и переселился жить из комнаты на балкон.

Только вот какая с ним была беда: никак наш сорочонок не мог выучиться самостоятельно есть. Совсем уж взрослая птица, красивая такая, летает хорошо, а еду всё, как маленький птенчик, просит. Выйдешь на балкон, сядешь за стол, сорока уж тут как тут, вертится перед тобой, приседает, топорщит кры-

лышки, рот раскрывает. И смешно и жалко её. Мама даже прозвала её Сироткой. Сунет ей, бывало, в рот творогу или мочёного хлеба, проглотит сорока — и опять начинает просить, а сама из тарелки никак не клюёт. Учили-учили мы её — ничего не вышло, так и приходилось ей в рот корм запихивать. Наестся, бывало, Сиротка, встряхнётся, посмотрит хитрым чёрным глазком на тарелку — нет ли там ещё чего-нибудь вкусного, да и взлетит на перекладину под самый потолок или полетит в сад, на двор...

Она всюду летала и со всеми была знакома: с толстым котом Иванычем, с охотничьей собакой Джеком, с утками, курами; даже со старым драчливым петухом Петровичем сорока была в приятельских отношениях. Всех он на дворе задирает, а её не трогает. Бывало, клюют куры из корыта, и сорока тут же вертится. Вкусно пахнет тёплыми мочёными отрубями, хочется сороке позавтракать в дружеской куриной компании, да ничего не выходит.

Пристаёт Сиротка к курам, приседает, пищит, клюв раскрывает — никто её покормить не хочет.

Подскочит она и к Петровичу, запищит, а тот

только взглянет на неё, забормочет: «Это что за безобразие!» — и прочь отойдёт. А потом вдруг хлопает своими крепкими крыльями, вытянет кверху шею, натужится, на цыпочки привстанет да как запоёт: «Ку-ка-ре-ку!» — так громко, что даже за рекой слышно.

А сорока попрыгает-попрыгает по двору, в конюшню слетает, взглянет к корове в стойло... Все сами

едят, а ей опять приходится лететь на балкон и просить, чтобы её из рук кормили.

Вот однажды некому было с сорокой возиться. Целый день все были заняты. Уж она приставала-приставала ко всем, никто её не кормит!

Я в этот день с утра рыбу на речке ловил, вернулся домой только к вечеру и выбросил на дворе оставшихся от ловли червей. Пусть куры поклюют.

Петрович сразу заметил добычу, подбежал и начал созывать кур: «Ко-ко-ко-ко! Ко-ко-ко-ко!» А они, как назло, куда-то разбрелись, ни одной на дворе нет.

Уж петух прямо из сил выбивается! Зовёт, зовёт, потом схватит червяка в клюв, потрясёт им, бросит и опять зовёт — ни за что первый съесть не хочет. Даже охрип, а куры всё не идут.

Вдруг, откуда ни возьмись, сорока. Подлетела к Петровичу, растопырила крылья и рот раскрыла: покорми, мол, меня.

Петух сразу приободрился, схватил в клюв огромного червяка, поднял, трясёт им перед самым носом сороки. Та смотрела, смотрела, потом цоп червяка — и съела! А петух уж ей

второго подаёт. Съела и второго и третьего, а четвёртого Петрович сам склевал.

Гляжу я из окна и удивляюсь, как петух сороку из клюва кормит: то ей даст, то сам съест, то опять ей предложит. А сам всё приговаривает: «Ко-ко-ко-ко!..» Кланяется, клювом червей на земле показывает: «Ешь, мол, не бойся, вон они какие вкусные».

И уж не знаю, как это у них там всё получилось, как он ей растолковал, в чем дело, только вижу, закокал петух, показал на земле червяка, а сорока подскочила, повернула голову набок, на другой, пригляделась и съела прямо с земли. Петрович даже головой в знак одобрения тряхнул; потом схватил сам здоровенного червяка, подбросил, перехватил клювом поудобнее и проглотил: «Вот, мол, как по-нашему». Но сорока, видно, поняла, в чём дело, — прыгает возле него да поклёвывает. Начал и петух червей подбирать. Так наперегонки друг перед другом стараются — кто скорей. Вмиг всех червей склевали.

С тех пор сороку кормить из рук больше не приходилось. В один раз её Петрович выучил с едой управляться. А уж как он это ей объяснил, я и сам не знаю.

Кот Иваныч

Жил у нас в доме огромный толстый кот — Иваныч: ленивый, неповоротливый. Целые дни он ел или спал. Бывало, залезет на тёплую лежанку, свернётся клубком и уснёт. Во сне лапы раскинет, сам вытянется, а хвост вниз свесит. Из-за этого хвоста Иванычу часто доставалось от нашего дворового щенка Бобки.

Он был очень озорной щенок. Как только дверь в дом откроют — шмыгнёт в комнаты прямо к Иванычу. Схватит его зубами за хвост, стащит на пол и везёт, как мешок. Пол гладкий, скользкий, Иваныч по нему словно по льду покатится. Спросонья сразу и не разберёт, в чём дело. Потом опомнится, вскочит, даст Бобке лапой по морде, а сам опять спать на лежанку отправится.

Иваныч любил улечься так, чтобы ему было и тепло и мягко. То к маме на подушку уляжется, то под одеяло заберётся. А однажды вот что натворил. Замесила мама тесто в кадлушке и поставила на печку. Чтобы оно лучше поднялось, сверху ещё тёплым платком при-

крыла. Прошло часа два. Мама пошла посмотреть — хорошо ли тесто поднимается. Глядит, а в кадушке, свернувшись калачиком, как на перине, Иваныч спит. Всё тесто примял и сам весь измазался. Так мы без пирогов и остались. А Иваныча вымыть пришлось.

Налила мама в таз тёплой воды, посадила туда кота и начала мыть. Мама моет, а он и не сердится — мурлычет, песни поёт. Вымыли его, вытерли и опять на печку спать положили.

Вообще Иваныч был очень ленивый кот, даже мышей не ловил. Иногда мышь скребётся где-нибудь рядом, а он внимания на неё не обращает.

Как-то зовёт меня мама в кухню:

— Погляди-ка, что твой кот делает!

Гляжу — Иваныч растянулся на полу и греется на солнышке, а рядом с ним целый выводок мышат гуляет: совсем крошечные, бегают по полу, собирают хлебные крохи, а Иваныч будто пасёт их — поглядывает да глаза от солнца жмурит. Мама даже руками развела:

— Что же это такое делается!

А я и говорю:

— Как — что? Разве не видишь? Иваныч мы-

шей караулит. Наверное, мышка-мать попросила за ребятами присмотреть, а то мало ли что без неё может случиться.

Но иногда Иваныч любил ради развлечения и поохотиться. Через двор от нашего дома был хлебный амбар, в нем водилось много крыс. Проведал об этом Иваныч и отправился как-то после обеда на охоту.

Сидим мы у окна, вдруг видим — по двору бежит Иваныч, а во рту огромная крыса. Вскочил он в окно — прямо к маме в комнату. Разлёгся посреди пола, выпустил крысу, сам на маму смотрит: «Вот, мол, каков я охотник!»

Мама закричала, вскочила на стул, крыса под шкаф шмыгнула, а Иваныч посидел-посидел и спать себе отправился.

С тех пор Иванычу житья не стало. Утром встанет, вымоет лапой мордочку, позавтракает и отправится в амбар на охоту. Минуты не пройдёт, а он домой спешит, крысу тащит. Принесёт в комнату и выпустит. Потом уж мы так приладили: как он на охоту — сейчас все двери и окна запираем. Иваныч поносит, поносит крысу по двору и пустит, а она назад в амбар убежит. Или, бывало, задушит крысу и давай с нею играть: подбрасывает, лапами

ловит, а то положит её перед собою и любит.

Вот однажды играл он так — вдруг, откуда ни возьмись, две вороны. Сели неподалёку, начали вокруг Иваныча скакать, приплясывать. Хочется им крысу у него отнять — и страшновато. Скакали-скакали, потом одна как схватит сзади Иваныча клювом за хвост! Тот кубарем перевернулся да за вороной, а вторая подхватила крысу — и до свиданья! Так Иваныч ни с чем и остался.

Впрочем, Иваныч хотя крыс иногда и ловил, но никогда их не ел. Зато он очень любил полакомиться свежей рыбой. Как приду я летом с рыбалки, только поставлю ведёрко на лавку, а он уж тут как тут. Сядет рядом, запустит лапу в ведёрко, прямо в воду, и шарит там. Зацепит лапой рыбу, выкинет на лавку и съест. Иваныч даже повадился из аквариума рыбок таскать.

Как-то раз поставил я аквариум на пол, чтобы воду сменить, а сам ушёл на кухню за водой. Прихожу обратно, гляжу и глазам не верю: у аквариума Иваныч — на задние лапы привстал, а переднюю в воду запустил и рыбу, как из ведёрка, вылавливает. Трёх рыбок я

потом недосчитался.

С этого дня с Иванычем просто беда: так от аквариума и не отходит. Пришлось сверху стеклом закрывать.

А как забудешь, сейчас двух-трёх рыбок вытащит. Уж мы не знали, как его отучить от этого.

Но только, на наше счастье, Иваныч и сам очень скоро отучился.

Принёс я однажды с реки вместо рыбы в ведёрочке раков, поставил, как всегда, на лавку. Иваныч сразу прибежал — и прямо в ведро лапой. Да вдруг как потянет назад! Глядим — за лапу рак клешнями ухватился, а за ним — второй, а за вторым — третий... Все из ведёрка за лапой тащатся, усами шевелят, клешнями щёлкают. Тут Иваныч глазищи от страха вытаращил, шерсть дыбом поднялась: «Что за рыба такая?»

Тряхнул лапой, так все раки на пол посыпались, а сам Иваныч хвост трубой — и марш в окно. После этого даже близко к ведёрку не

подходил и в аквариум перестал лазить. Вот как напугался!

Кроме рыбок, у нас в доме было много разной живности: птицы, морские свинки, ёж, зайчата... Но Иваныч никогда никого не трогал. Он был очень добрый кот, дружил со всеми животными. Только с ежом Иваныч вначале не мог ужиться.

Этого ежа я принёс из леса и пустил в комнате на пол. Ёжик сначала лежал, свернувшись в клубок, а потом развернулся и забегал по комнате. Иваныч очень заинтересо-

вался зверьком. Дружелюбно подошёл к нему и хотел обнюхать. Но ёж, видимо, не понял доброго намерения Иваныча — он растопырил колючки, подскочил и пребольно кольнул Иваныча в нос.

После этого Иваныч стал упорно избегать ежа. Стоило тому вылезти из-под шкафа, как Иваныч поспешно вскакивал на стул или на окно и никак не хотел спускаться вниз.

Но вот как-то раз после обеда мама налила Иванычу в блюдечко супа и поставила его на ков-рик. Кот сел около блюдца поудобнее, начал лакать. Вдруг мы видим — из-под шкафа вылезает ёжик. Вылез, носиком потянул, прямо направился к блюдцу. Подошёл и тоже за еду принялся. А Иваныч не убегает — видно, проголодался, косится на ежа, а сам торопится, пьёт.

Так вдвоём всё блюдечко и вылакали.

С этого дня мама начала их каждый раз вместе кормить. И ведь как они хорошо к этому приладились! Стоит только маме половником о блюдечко стукнуть, а они уже бегут. Усядутся рядышком и едят. Ёжик мордочку вытянет, колючки приложит, гладенький такой. Иваныч его совсем перестал опасаться. Так и подружились.

За добрый нрав Иваныча мы все его очень любили. Нам казалось, что по своему характеру и уму он больше походил на собаку, чем на кошку. Он и бегал за нами, как собака: мы на огород — и он за нами, мама в магазин — и он следом за ней бежит. А возвращаемся вечером с реки или из городского сада — Иваныч уж на лавочке возле дома сидит, будто нас дожидается.

Как увидит меня или Серёжу, сразу подбежит, начнёт мурлыкать, об ноги тереться и вслед за нами скорее домой спешит.

Дом, где мы жили, стоял на самом краю городка. В нём мы прожили несколько лет, а потом переехали в другой, на той же улице.

Переезжая, мы очень опасались, что Иваныч не уживётся на новой квартире и будет убегать на старое место. Но наши опасения оказались совершенно напрасны.

Попав в незнакомое помещение, Иваныч начал всё осматривать, обнюхивать, пока наконец не добрался до маминой кровати. Тут уж, видимо, он сразу почувствовал, что всё в порядке, вскочил на постель и улёгся. А когда в соседней комнате застучали ножами и вилками, Иваныч мигом примчался к столу и

уселся, как обычно, рядом с мамой. В тот же день он осмотрел новый двор и сад, даже посидел на лавочке перед домом. Но на старую квартиру так и не ушёл.

Значит, не всегда верно, когда говорят, что собака людям верна, а кошка — дому. Вот у Иваныча вышло совсем наоборот.

День рождения

Как-то поздно вечером, набегавшись за день по двору, я сидел вместе с папой и мамой за столом. Мы ужинали.

— Ты знаешь, какой завтра день? — спросила мама.

— Знаю: воскресенье, — ответил я.

— Верно. А кроме того, завтра — день твоего рождения. Тебе исполнится восемь лет.

— Ого, да он уже совсем большой вырос! — будто удивившись этому, заметил папа. — Восемь лет... Это ведь не шутка. Осенью в школу пойдёт. Что бы ему подарить к такому дню? — обратился он к маме. — Игрушку, пожалуй, не годится...

— Да я уж и сама не знаю, — улыбаясь, ответила мама. — Нужно что-нибудь придумать.

Я сидел как на иголках, слушая этот разговор. Конечно, папа с мамой только нарочно говорили, что не знают, что бы такое мне подарить. Подарок уж, верно, давно был приготовлен. Но какой подарок?

Я знал, что, сколько ни проси, ни папа, ни мама до завтра ни за что не скажут.

Приходилось ждать.

После ужина я сейчас же пошёл спать, чтобы поскорее наступило завтра. Но заснуть оказалось совсем не так просто. В голову всё лезли мысли о подарке, и я невольно прислушивался к тому, о чём говорили в соседней комнате папа с мамой. Может, они, думая, что я уже заснул, скажут что-нибудь о подарке. Но они говорили совсем о другом. Так я, ничего не услышав, наконец заснул.

Наутро, как только я проснулся, сейчас же вскочил с постели и хотел бежать за подарком. Но бежать никуда не пришлось: возле моей постели стояли у стены две новенькие складные удочки и тут же на гвоздике висело выкрашенное в зеленую краску ведёрчко

для рыбы, с крышкой, совсем такое же, как у папы, только поменьше.

От радости я даже захолопал в ладоши, подпрыгивая на постели, и начал поскорей одеваться.

В это время дверь отворилась, и в комнату вошли папа с мамой — весёлые, улыбающиеся.

— Ну, поздравляем тебя! Хорош подарок? Доволен? — спрашивает папа. — Это уже настоящие удочки, не то что твои палки с нитками. На такие и щуку вытащить можно.

— Очень, очень доволен! — радовался я. — Только где же я на них буду щук ловить? У нас в речке их нет, а с собой на ловлю ты меня не берёшь — говоришь, что мал ещё.

— Да ведь это я тебя раньше не брал, — ответил папа, — когда тебе только семь лет было. А теперь тебе уже восемь. Ты, по-моему, даже за одну эту ночь сильно подрос. Вон какой огромный!

— Сегодня мы все вместе рыбу ловить поедем, — весело сказала мама. — Умывайся скорей, пей чай — и поедем. Погода чудесная!

Я поскорее позавтракал, захватил свои

удочки, ведро и выбежал во двор. У крыльца уже стояла запряжённая лошадь.

Вскоре вышли и папа с мамой. Уложили в тележку удочки, чайник, котелок и мешок с провизией.

Мы все уселись и тронулись в путь.

Когда выехали за село, папа дал мне вожжи и сказал:

— Правь, ты ведь теперь уж не маленький, а я пока покурю.

Я с радостью взял в руки вожжи. Но править лошадью, собственно, и не нужно было. Дорога никуда не сворачивала, а шла ровная, прямая, среди ржаных полей.

Рожь уже выколосилась, и по ней плыли легкие тени от облаков.

Наша лошадь весело бежала по гладкой дороге. То и дело впереди с дороги взлетали жаворонки и, отлетев немного, снова садились на землю.

Мы проехали берёзовый лесок и выехали прямо к речке.

На самом берегу её находилась водяная мельница. В этом месте речка была запружена плотиной и разливалась в широкий пруд.

Мы оставили лошадь во дворе на мельнице,

взяли из повозки удочки, ведёрки для рыбы и пошли удить.

Ниже плотины находился глубокий мельничный омут.

Мы спустились к омуту и уселись на берегу, в прогалинке между зелёными ивовыми кустами.

Справа от нас возвышалась плотина, которая сдерживала всю массу воды. Вода прорывалась в щели плотины, била оттуда сильными фонтанами и с шумом падала вниз, прямо в омут.

А на другом берегу омута стояла старая водяная мельница. Это был небольшой деревянный домик. Одна его стена подходила к самой воде, и к ней были приделаны два огромных, тоже деревянных, колеса с широкими лопастями, как у парохода. Нижние их края погружались в воду.

Стена и толстые, как деревья, столбы, поддерживавшие колёса, — всё было покрыто зелёными водорослями. Они свисали вниз, к самой воде, как длинные бороды.

Вдруг огромные колёса дрогнули и заворочались. Сначала медленно, потом быстрее, быстрее, и с них с шумом и плеском начали стекать целые потоки воды.

Вода под колёсами запенилась, словно закипела, и побежала через омут и дальше, по речке вниз, бурлящим, кипучим потоком.

Я всё это видел первый раз в жизни и не мог оторвать глаз от чудесного зрелища.

От мощных поворотов колёс вздрагивала вся мельница, и мне казалось, что вот-вот она тронется с места и поплывёт по реке, как пароход.

— Хорошо, что мельница начала работать, — сказал папа, — вода из-под колёс пошла: в это время и рыба веселее ходит и на удочку лучше берёт. Надевай скорей червяка, начинай ловить.

Мы размотали удочки и закинули.

Возле нашего берега в заливчике вода, загороженная кустами ивняка, стояла спокойная.

Я сидел рядом с папой и внимательно смотрел на поплавки. А они тихо лежали на поверхности воды. Какие-то комарики, мошки весело толпились в воздухе над поплавками, постоянно присаживаясь на них и вновь взлетая.

Но вот поплавок моей удочки будто ожил. Он слегка шевельнулся, пуская вокруг себя по воде круги; шевельнулся ещё и ещё раз, потом стал медленно погружаться в воду.

— Ключёт! Тащи! — взволнованно шепнул папа.

Я потащил. Ух, как тяжело! Удилище согнулось в дугу, а леска, натянувшись, как струна, так и резала воду.

— Не торопись, а то оборвёт! — волновался папа. — Дай я помогу — упустишь, крупная попалась.

Но я вцепился обеими руками в удилище и не отдавал его.

Сильная рыба, туго натянув леску, бросалась то в одну, то в другую сторону. Я никак не мог подтащить её к берегу. Наконец рыба показалась из глубины.

Я изо всех сил рванул удилище — раздался легкий треск, и в руках у меня остался обломанный конец. Другой конец вместе с поплавком и леской быстро понесся по воде прочь от берега.

— Ушла, ушла! — завопил я и, забыв всё на свете, бросился за убегающим концом прямо в воду.

Папа едва успел схватить меня сзади за курточку:

— Утонешь! Глубина здесь!

Но я ничего не видел, кроме жёлтого бамбу-

кового кончика удочки, который, разрезая воду, уходил всё дальше и дальше.

— Ушла, совсем ушла! — с отчаянием повторял я.

На мои вопли прибежала испуганная мама. Она тут же невдалеке собирала хворост для костра.

— Что, что случилось? — ещё издали спрашивала она.

— Не плачь, — успокаивал меня папа, — может, мы её ещё и поймаем.

Но я не верил. Слезы так и текли из глаз, и мне казалось, что в целом свете нет человека несчастнее меня.

Наконец я немного успокоился.

Папа стоял на берегу и пристально вглядывался в противоположный конец омута.

— К кустам потащила. Только бы поближе к берегу подошла, — говорил он.

Я понял, что не всё ещё потеряно. И робкая надежда шевельнулась в душе.

Я тоже нашёл глазами тоненькую белую палочку, которая едва виднелась на воде ближе к другому берегу. Она всё удалялась.

— К кустам, к кустам идёт! — радостно повторял папа. — Не горюй, Юра: мы её ещё подцепим!

Мама тоже следила за удочкой.

— Ах, только бы к берегу подошла!

Наконец рыба подтащила удочку к кустам.

Тут мы все трое — папа, мама и я — со всех ног бросились через плотину на другой конец омута.

Вот и кусты. На воде возле них слегка покачивается сломанный конец удочки. И поплавок тоже спокойно покачивается на воде.

Может, удочка уже пустая? Может, рыба давно уже сорвалась?

Папа крадучись подошёл к берегу, вошёл по

колени в воду и протянул руку к удилице... И вдруг оно подпрыгнуло, как живое, и бросилось прочь. Папа за ним бултых прямо в воду. Весь мокрый выскочил на берег.

О радость, о счастье! В руках у него была обломанная удочка. Она сгибалась в дугу, и леска опять, как тугая струна, так и резала воду.

Напуганная рыба тянула вглубь и никак не шла к берегу.

Но папа и не пытался пересилить её. Он то отпускал леску, то вновь слегка подтягивал.

Папа старался утомить рыбу. А мы с мамой затаив дыхание следили за этой борьбой.

Наконец утомлённая рыба показалась на поверхности и даже немного повернулась на бок, блестя серебряной чешуей.

Тогда папа осторожно передал мне обломок удилица:

— Тащи, только потихоньку, не торопись.

Я схватил в руки удочку и, забыв про всё на свете, изо всех сил потащил на берег.

— Тише, тише, оборвёт! — закричал папа.

Рыба бросилась в глубину. Я потянул к себе.

У берега в густой траве что-то сильно зашлёпало, завозилось.

Папа и мама кинулись туда. И тут я вновь почувствовал в руках какую-то лёгкость. «Оборвалась, ушла!»

Но в следующий же миг папа выкинул далеко на берег сверкающую чешуёй рыбу.

Она тяжело шлёпнулась в траву и забилась, запрыгала в ней.

Мы подбежали к добыче. Подминая зелёные стебли, в траве лежал крупный голавль. Я схватил его обеими руками и начал с восторгом разглядывать.

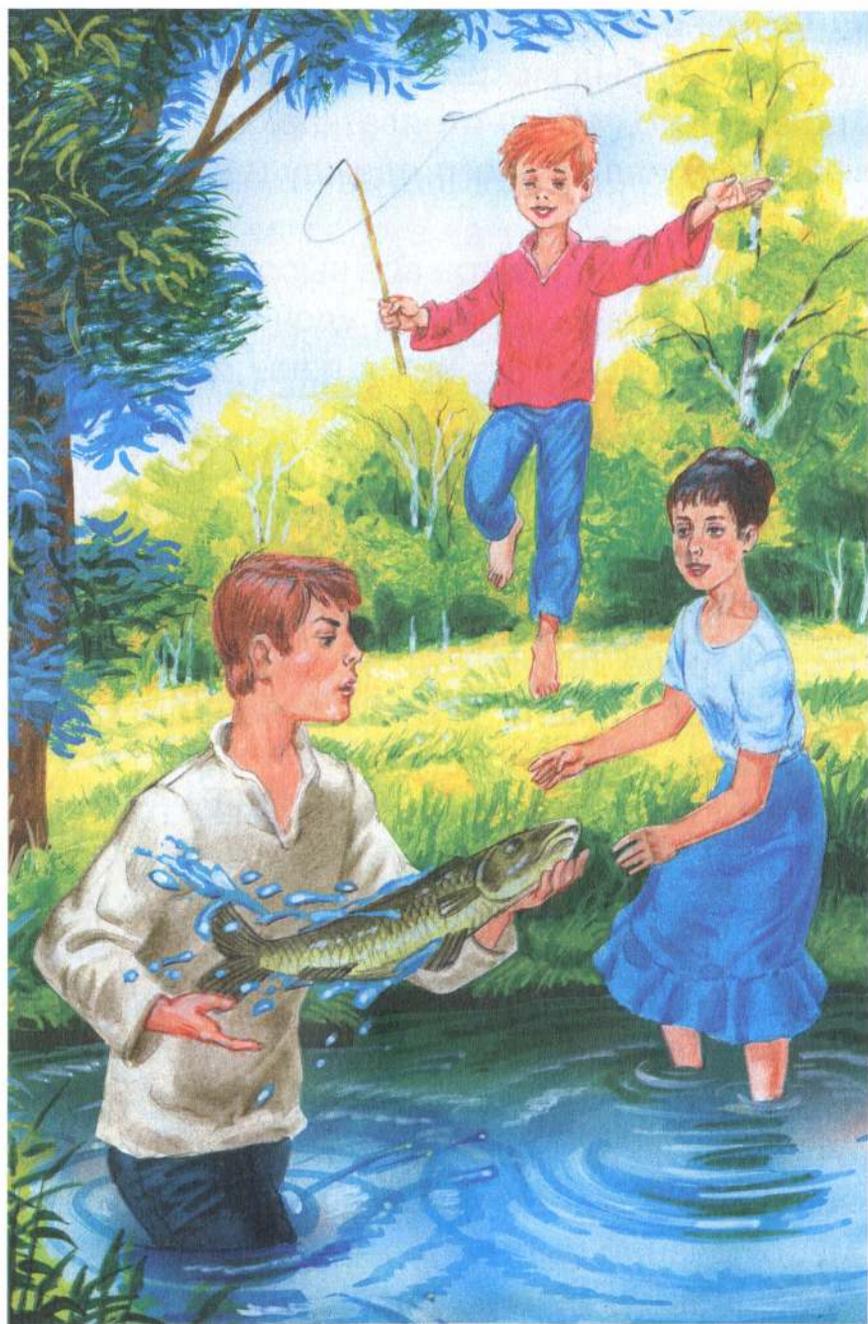
Спина у него была тёмно-зелёная, почти чёрная, бока серебряные, а голова большая, широкая. Потому, наверное, эту рыбу и называли голавль.

— Ну, поздравляю тебя: теперь ты — настоящий рыболов! — радостно говорила мама.

— Да, да, рыболов! — добродушно смеялся папа. — Опять чуть не упустил. Он уж с крючка сорвался, я его еле успел в траве схватить.

— А что же ты от него хочешь, ведь это его первая настоящая добыча, — защищала меня мама. — И всё-таки он её сам вытащил.

— Конечно, конечно, — согласился папа. — Идёмте скорее к удочкам — может, там без нас ещё что попало.

Тут мы с мамой взглянули на папу, да так и ахнули. Он был мокрый и весь в грязи. Хорошо ещё, что погода стояла жаркая.

Папа отжал немного одежду и весело махнул рукой:

— Ничего, до вечера всё высохнет!

Мы вернулись к нашим удочкам. Действительно, на одной из них у папы сидел большой окунь.

Папа дал мне из своих ещё одну удочку, вместо моей сломанной, и мы продолжали ловить. Но я уже не столько ловил, сколько всё бегал к соседним кустам, под которыми в густой траве, прикрытый от солнца лопухами, лежал мой голавль. И каким же он мне казался огромным и красивым!

Мама тоже то и дело подходила к голавлю, трогала его рукой, качала головой и улыбалась. Наверное, она радовалась моей удаче не меньше меня.

И папа всё поглядывал на меня и говорил:

— Что, брат, доволен, а?

Весь этот день я чувствовал себя самым счастливым человеком.

Я поймал ещё двух ершей. А папа наловил много разной рыбы и даже поймал щуку. Вообще день вышел на славу.

Мама развела на берегу костёр, приготовила обед и чай.

Потом мы опять ловили рыбу. Мама тоже ловила с нами и вытащила окуня.

Наконец, когда уже начало темнеть, папа с мамой собрались ехать домой. А мне ужасно не хотелось уезжать. Кажется, так всё лето и просидел бы здесь, у реки, под старыми вёслами, глядя на поплавок. Но делать было нечего.

Уложили в тележку удочки, рыбу и все пожитки, запрягли лошадь и поехали домой.

Вечер был прохладный, ясный. На западе уже догорала заря. В полях громко кричали перепела, словно выговаривали: «Спать пора, спать пора!»

Слушая их, я и вправду немножко задремал. А перед глазами всё рябила вода и поправки на ней...

Вдруг мама тронула меня за плечо:

— Смотри, Юра, смотри скорей!

Я очнулся. Мы проезжали через берёзовый лесок. В воздухе пахло свежей берёзовой горечью. Я поглядел в глубь леса, куда указывала мама.

«Что это? Будто крохотный голубой огонёк

светится в тёмной ночной траве... А вон, немного подальше, ещё и ещё. Или это в каплях росы отражаются звёзды? Нет, не может быть...»

— Видишь, светлячки, — сказал папа. — Хочешь — набери их в коробочку, а дома выпустим в сад. Пусть у нас живут.

Папа остановил лошадь, и мы с мамой принялись собирать этих светящихся жучков, которых в народе так хорошо прозвали ивановым червячком.

Мы с мамой долго ходили по густой влажной траве, отыскивая крошечные живые звёздочки. А над головой сплетались тёмные ветви деревьев, и в их просветах тоже, как светлячки, сверкали далёкие голубые звёзды.

И может быть, именно в этот счастливый день — день моего рождения — я вдруг всем сердцем почувствовал, как хороша родная природа, лучше которой нет на всём свете.

Воршишка

Однажды нам подарили молодую белку. Она очень скоро стала совсем ручная, бегала по всем комнатам, лазила на шкафы, этажерки, да так ловко — никогда ничего не уронит, не разобьёт.

Очень скоро она научилась вскакивать на плечо. Это значит — она просит сахару или конфетку. Очень любила сладкое. Конфеты и сахар у нас в столовой, в буфете лежали. Их никогда не запирали, потому что мы, дети, без спросу ничего не брали.

Но вот как-то зовёт мама нас всех в столовую и показывает пустую вазочку:

— Кто же это конфеты отсюда взял?

Мы глядим друг на друга и молчим — не знаем, кто из нас это сделал. Мама покачала головой и ничего не сказала. А на следующий день сахар из буфета пропал, и опять никто не сознался, что взял. Тут уж и отец рассердился, сказал, что теперь всё будет запирасть, а нам всю неделю ничего не даст.

И белка заодно с нами без сладкого осталась.

Вспрыгнет, бывало, на плечо, мордочкой о

щёку трётся, за ухо зубами дёргает — просит сахару. А где его взять?

Один раз после обеда сидел я тихонько на диване в столовой и читал. Вдруг вижу: белка вскочила на стол, схватила в зубы корочку хлеба — и на пол, а оттуда на шкаф. Через минуту, смотрю, опять на стол забралась, схватила вторую корочку — и опять на шкаф.

«Постой, — думаю, — куда это она хлеб всё носит?» Поставил я стул, заглянул в шкаф. Вижу — старая мамина шляпа лежит. Приподнял я её — вот тебе раз! Чего-чего только под нею нет: и сахар, и конфеты, и хлеб, и разные косточки...

Я — прямо к отцу, показываю: «Вот кто у нас воришка!»

А отец рассмеялся и говорит:

— Как же это я раньше не догадался! Ведь это наша белка на зиму себе запасы делает. Теперь осень, на воле все белки корм запасают, ну и наша не отстаёт, тоже запасается.

После такого случая перестали от нас запиравать сладкое, только к буфету крючок приделали, чтобы белка туда залезть не могла. Но белка на этом не успокоилась, всё продолжала запасы на зиму готовить. Найдёт корочку

хлеба, орех или косточку — сейчас схватит, убежит и спрячет куда-нибудь.

А то ходили мы как-то в лес за грибами. Пришли поздно вечером, усталые, поели — и скорее спать. Кошёлку с грибами на окне оставили: прохладно там, не испортятся до утра.

Утром встаём — вся корзина пустая. Куда же грибы делись? Вдруг отец из кабинета кричит, нас зовёт. Прибежали к нему, глядим — все олени рога над диваном грибами увешаны. И на крючке для полотенца, и за зеркалом, и за картиной — всюду грибы. Это белка ранёхонько утром постаралась: развесила грибы себе на зиму посушить.

В лесу белки всегда осенью грибы на сучьях сушат. Вот и наша поспешила. Видно, почуяла зиму.

Скоро и вправду наступили холода. Белка всё старалась забраться куда-нибудь в уголок, где бы потеплее, а как-то раз она и вовсе пропала. Искали, искали её — нигде нет. Наверное, убежала в сад, а оттуда в лес.

Жалко нам стало белочки, да ничего не поделаешь.

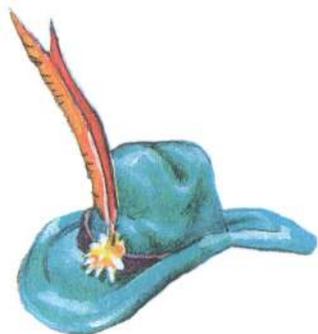
Собрались топить печку, закрыли отдушник,

наложили дров, подожгли. Вдруг в печке как заводится что-то, зашуршит! Мы отдушник поскорее открыли, а оттуда белка пулей выскочила — и прямо на шкаф.

А дым из печки в комнату так и валит, в трубу никак не идёт. Что такое? Брат сделал из толстой проволоки крючок и просунул его через отдушину в трубу, чтобы узнать, нет ли там чего.

Глядим — тащит из трубы галстук, мамину перчатку, даже бабушкину праздничную косынку там разыскал.

Всё это наша белка себе для гнезда в трубу затащила. Вот ведь какая! Хоть и в доме живёт, а лесные повадки не оставляет. Такова уж, видно, их беличья натура.

Дружба

Сидели мы как-то с братом зимой в комнате и глядели на двор в окно. А на дворе, у забора, вороны и галки копались в мусоре.

Вдруг видим — прилетела к ним какая-то птица, совсем чёрная, с синевой, а нос большой, белый. Что за диво, ведь это грач! Откуда он зимой взялся? Глядим, ходит грач по помойке среди ворон и прихрамывает немножко — наверное, больной какой-нибудь или старый; улететь на юг не смог с другими грачами, вот и остался у нас зимовать.

Потом каждое утро повадился грач к нам на помойку летать. Мы нарочно хлебца ему покрошим, каши, творожку от обеда. Только мало ему доставалось: всё, бывало, вороны поедят — это уж такие нахальные птицы. А грач тихий какой-то попался. В сторонке держится, всё один да один. Да и то верно: своя братия улетела на юг, он один остался; вороны ему компания плохая. Видим мы, обижают серые разбойницы нашего грача, а как ему помочь, не знаем. Как его покормить, чтоб вороны не мешали?

День ото дня грач становился всё грустнее. Бывало, прилетит и сядет на забор, а спуститься на помойку к воронам боится: совсем ослаб.

Один раз посмотрели мы утром в окно, а грач под забором лежит. Побежали мы, принесли его в дом; он уж еле дышит.

Посадили мы его в ящик, к печке, попонкой закрыли и дали всякой еды.

Недели две он так у нас просидел, отогрелся, отъелся немножко. Думаем, как же с ним дальше быть? Не держать же его в ящике всю зиму! Решили опять на волю выпустить: может, он теперь покрепче будет, перезимует как-нибудь.

А грач, видно, смекнул, что мы ему добро сделали, значит, нечего людей и бояться. С тех пор целые дни так вместе с курами во дворе и проводил.

В это время жила у нас ручная сорока Сиротка. Мы её ещё птенцом взяли и выкормили. Сиротка свободно летала по двору, по саду, а ночевать возвращалась на балкон. Вот видим мы — подружился наш грач с Сироткой: куда она летит, туда и он за ней.

Однажды глядим — Сиротка на балкон при-

летела, и грач тоже вместе с ней появился. Важно так по столу разгуливает.

А сорока, будто хозяйка, суетится, вокруг него скачет.

Мы потихоньку высунули из-под двери чашку с мочёным хлебом. Сорока прямо к чашке, и грач за ней.

Позавтракали оба и улетели. Так они каждый день начали на балкон вдвоём прилетать — кормиться.

...Прошла зима, вернулись с юга грачи, загалдели в старой берёзовой роще. По вечерам усядутся парочками возле гнёзд, сидят и переговариваются, будто дела свои обсуждают. Только наш грач не нашёл себе пары, по-прежнему всюду летал за Сироткой. А под вечер сядут они возле дома на берёзку и сидят рядышком, близко так, бок о бок.

Посмотришь на них и невольно подумаешь: значит, и у птиц тоже дружба бывает.

Щар-Щарыч

Журчат ручьи, настал апрель,
Кричат грачи, звенит капель.
Им вторит громко, во весь дух,
На кол забравшийся петух.
Кругом царит и шум и гам.
Все рады светлым вешним дням.

Вечером папа принёс из сарая доску, распилил её и сколотил домик. Вместо окон и дверей в одной из стенок выпилил круглую дырочку, а вместо крыльца внизу, у входа, палочку прибил.

— Готово, — сказал папа. — Ну-ка, теперь отгадай загадку: на колу дворец, во дворце певец — кто это?

— Скворец! — закричал я.

— Правильно. Вот мы для него квартиру и смастерили. Завтра утром скворечник в саду пристроим. Добро пожаловать, дорогие гости!

Проснулся я утром — в окно солнце светит, капель с крыши льёт и воробьи на весь двор расширились.

В саду везде ещё был снег. Мы с папой еле

пробрались к старой яблоне. Папа прибил скворечник к длинному шесту и прикрутил шест проволокой к стволу яблони. Скворечник оказался очень высоко — со всех сторон видно.

Прошло пять дней. В саду зачернели проталины, а кругом них разлились огромные лужи. В лужах, как в зеркале, отражаются небо, облака, а когда выглянет солнце — даже больно глядеть, так вода и сверкает.

Один раз зовёт меня папа в сад:

— Погляди, какие гости к нам заявились.

Прибежал я, смотрю — на крыше скворечника сидит скворец и распевает. Потом другой скворец к нему подлетел и прямо в домик юркнул.

Поселились в домике скворцы, только почему-то всё один скворец летает. По вечерам сядет на веточку и поёт, а скворчихи и не видеть.

Как-то раз стояли мы с папой под яблоней. Смотрим — скворец к домику подлетел, в клюве у него что-то белеется, наверное, какая-то большая, толстая личинка. Сел он на

жёрдочку, вдруг видим — из домика высовывается головка скворчихи. Открыла она клюв, скворец сунул ей в рот личинку, а сам засвистел, затрещал и опять улетел.

— Видишь, — говорит папа, — как скворец о своей скворчихе заботится! Даже кормит её, чтобы она с гнезда не улетала. Ведь она теперь яйца высиживает.

Скоро у скворцов вывелись птенцы. Тут уж оба — и отец, и мать — начали детям корм носить. Ходят, бывало, по грядкам и высматривают добычу. Заметит скворец гусеницу, схватит её и тащит детям. Так это здорово получалось! Скворчатам еда — и нам с папой помощь. За день, бывало, всех гусениц с огорода соберут.

Папа глядит да радуется:

— Хорошая у нас капуста будет! Червяк её уже не тронет. Вон наши длинноносые сторожа как на грядках стараются!

Выросли скворчата, начали уже из домика наружу выглядывать. Целый день пищат — есть просят. Родители им только успевают корм приносить. А наступит вечер, усядутся

старики на веточку возле домика, сидят и переговариваются, будто дела свои обсуждают.

Вот как-то под вечер сидели скворец со скворчихой на яблоне. Вдруг из-за веток — ястреб! Схватил скворца и потащил.

Мы с папой в саду были. Закричали, вдогонку бросились. Я во весь дух бегу, кричу:

— Брось, брось, брось!

Ястреб испугался, бросил добычу и улетел.

Подбежал я: лежит скворушка на земле, клюв открыт, дышит тяжело; наверно, ястреб его здорово помял.

Принёс я его домой, настелил в клетку свежей травы и положил скворца. Наутро он немного оправился — не лежал, а сидел в уголке. Дал я ему гусениц, червей. Одного червяка он съел, а больше не стал.

Папа сказал:

— Ничего, поправится. Только уж он теперь в семье не работник — ему самому сил набираться нужно. Придётся тебе помогать скворчихе детей растить. Ей одной такую семью не прокормить.

Взяли мы с папой фанерный ящичек, поста-

вили его в саду на дорожку, недалеко от старой яблони, и каждый день я в него стал разных личинок и гусениц приносить. Скворчиха это живо заметила. Только, бывало, я принесу еду, отойду в сторону, а она уж тут как тут, подлетит, сядет на край ящика, схватит гусеницу — и прямо в скворечник. В один миг всё детям перетаскает.

Скворец мой тоже поправляться начал. Аппетит у него после болезни отличный стал. Я прямо с ног сбился, не успеваю еду носить.

Наконец скворчата подросли и начали из гнезда вылетать, а потом и совсем улетели из сада. Тут уж я посвободнее вздохнул — один у меня только иждивенец остался.

Скворец скоро совсем поправился. Стал я его понемногу из клетки выпускать. Летает он по комнате, а как проголодается, спешит назад в клетку. Ручной, ничего не боится, на плечо сядет, на голову. Как только соберёмся обедать, загремят тарелки, он прямо на стол летит, крошки со скатерти собирает. Видно, не на шутку, бедняжка, проголодался!

Очень любил он мясо. Подадут котлеты —

скворец так и норовит со сковородки клюнуть. Мама, бывало, смеётся, гонит его: «Обожжёшься ведь!» А он на маму сердится: что, мол, не даёшь! Перышки топорщит, кричит: «Чир-чирр!» Мы его Чир Чирычем и прозвали.

Накрошат ему котлету на тарелку, остудят и дадут. Он в один миг всё подберет.

Как-то дали мясца старому коту Иванычу. Только он уселся поесть, вдруг видим — скворец бочком-бочком — и к тарелке. Мы глядим, что дальше будет. Подбежал скворец, изловчился и прямо из-под носа Иваныча кусок мяса выхватил. Тут даже добродушный Иваныч возмутился, замахнулся на обидчика лапой; а скворец не боится — так на него и наскокивает: «Чир-чирр!» И вдруг тюк Иваныча клювом в нос! Фыркнул тот, затряс головой, а потом повернулся и пошёл прочь от тарелки.

С тех пор коту от скворца житья не стало: только разляжется толстый Иваныч на солнышке погреться, скворец уж тут как тут, старается за хвост или за ухо клювом схватить. Мать его полотенцем прочь гонит:

— Ну что ты к Иванычу пристаёшь?

А скворушка норовит маму за полотенце дернуть: «Чир-чирр!» Потом прыг — и на голову ей сядет. Разбойник, да и только!

Зато с Джеком, папиной охотничьей собакой, скворушка очень подружился. Джек овсянку из миски ест — и скворец на краешек сядет, тоже поклёвывает. Уляжется Джек у себя на коврике, скворец ему на спину взлетит, выбирает что-то из шерсти, да так осторожно — никогда больно не сделает. Джек даже глаза зажмурит — видно, приятно ему.

Как-то напились мы чаю. Мама налила в полоскательницу теплой воды, чашки помыть. Только отвернулась, откуда ни возмись скворец — и прямо в полоскательницу. Как начнёт в ней плескаться! Весь стол водой залил.

Мама засмеялась:

— Ах ты негодный!

А скворец уж на двери сидит, отряхивается, пёрышки чистит.

До того осмелел — всюду лезет, всё тащит, беда с ним, да и только!

Мама терпела-терпела и наконец не выдержала.

— Заприте, — говорит, — этого разбойника в клетку. Или выпустите его.

Очень не хотелось мне со скворушкой расставаться, да ничего не поделаешь — не запирают же его, на самом деле, в клетку!

Наутро открыл я окно и снял с него сетку. Скворец мигом из клетки выскокчил, слетел на подоконник и не знает, куда же дальше лететь — в комнату или в сад. А тут солнце выглянуло. Отряхнулся скворец, расправил крылья и полетел на волю. Уселся

в саду на дерево, начал пёрышки чистить, прихорашиваться — довольный такой.

Весело мне на него смотреть, как он радуется, и грустно немножко — не будет у меня больше ручного скворца!

Посидел он на дереве, потом вспорхнул и полетел куда-то. А я совсем загрустил, весь день места себе найти не мог.

Наконец позвали меня обедать. Все сели за стол. Только застучали тарелками, вдруг слышим за окном: «Чир-чирр!» Летит мой скворец прямо в окно — и на стол. Тут уж и мама не выдержала, говорит:

— Умница ты моя! Назад прилетел, соскучился.

А скворец будто понимает — лезет к ней, прямо из тарелки варёное мясо тащит. Наелся и на шкаф взлетел.

С этого дня Чир Чирыч получил полное право разгуливать всюду, где ему только заблагорассудится: хочет — по саду летает, хочет — по комнате. Но как только, бывало, за вечереет, так уж он обязательно к себе в клетку спешит.

Наступила осень. Пожелтел сад, в полях убрали хлеб, а на лугах у речки, как огромные зелёные кочки, выросли стога сена. Скворцы собрались в стаи: целые дни летали по полям и лугам или сидели на стогах.

Скворушка мой тоже стал пропадать по целым дням, иногда и ночевать домой не возвращался. То ночь, то две, а потом и совсем не вернулся. Может, ястреб его поймал, а может, улетел с другими скворцами в тёплые страны.

Пришла зима. Часто вспоминали мы о скворушке, особенно вечерами, когда топили печку и у огонька собирались все мои приятели: Джек, Иваныч и ручной заяц Ушан. Где-то теперь наш скворушка? Жив ли он?..

Наконец и зима кончилась. В саду появились огромные синие лужи. В полдень солнышко припекало совсем по-летнему, и тогда в столовой даже отворяли окно.

Как-то возился я у себя в комнате со своими удочками. Вдруг слышу за дверь: «Чир-чирр!» Я даже вздрогнул: что такое? Выскочил в столовую и глазам не верю: сидит на подо-

коннике мой скворушка, так и заливаётся, так и поёт.

— Скворушка! Скворушка! Откуда же ты прилетел?

Хотел я к нему подойти, а он — назад в окно и уселся на яблоню. Отвык, значит, за зиму от нас.

Опять поселился мой скворец в своем старом скворечнике. И скворчиха с ним, только не знаю, старая или новая.

Часто бывало — прилетит скворушка к нам на подоконник, сядет и поёт. Я ему еду поставлю, полоскательницу с водой — он всё съест, воды напьётся и выкупается в полоскательнице. А в комнату залетать так и не захотел. Наверное, ему скворчиха не разрешила.

Джек

Мы с братом Серёжей ложились спать. Вдруг дверь растворилась и вошёл папа, а следом за ним — большая красивая собака, белая, с тёмно-коричневыми пятнами на боках. Морда у неё тоже была коричневая; огромные уши свисали вниз.

— Папа, откуда? Это наша будет? Как её звать? — закричали мы, вскакивая с постели и бросаясь к собаке.

Пёс, немного смущённый такой бурной встречей, всё же дружелюбно завилял хвостом и позволил себя погладить. Он даже обнюхал мою руку и лизнул её мягким розовым языком.

— Вот и мы завели собаку, — сказал папа. — А теперь марш по кроватям! А то придёт мама, увидит, что вы в одних рубашках бегаετε, и задаст нам.

Мы залезли обратно в кровати, а папа уселся на стул.

— Джек, сядь, сядь здесь, — сказал он собаке, указывая на пол.

Джек сел рядом с папой и подал ему лапу.

— Здравствуй, — сказал папа, потряс лапу

и снял её с колен, но Джек сейчас же подал её опять.

Так он «здоровался», наверное, раз десять подряд. Папа делал вид, что сердится, — снимал лапу, Джек подавал снова, а мы смеялись.

— Довольно, — сказал наконец папа. — Ложись.

Джек послушно улёгся у его ног и только искоса поглядывал на папу да слегка постукивал по полу хвостом.

Шерсть Джека была короткая, блестящая, гладкая, а из-под неё проступали сильные мускулы. Папа сказал, что это охотничья собака, легавая. С легавыми собаками можно охотиться только за дичью — за разными птицами, а на зайцев или лисиц нельзя.

— Вот придёт август, наступит время охоты, мы и пойдём с ним уток стрелять. Ну, пора спать, а то уже поздно.

Папа окликнул пса и вышел с ним из комнаты.

На следующее утро мы встали рано, напились поскорее чаю и отправились гулять с Джеком.

Он весело бегал по высокой, густой траве, между кустами, вилял хвостом, ласкался к

нам и вообще чувствовал себя на новом месте как дома.

Набегавшись вдоволь, мы решили идти играть в «охотников».

Джек тоже последовал за нами. Мы сделали из обруча от бочки два лука, выстругали стрелы и пошли на «охоту».

Посреди сада из травы виднелся небольшой пенёк. Издали он был очень похож на зайца. По бокам у него торчали два сучка, будто уши.

Первым стрельнул в него Серёжа. Стрела ударилась о пенёк, отскочила и упала в траву. В тот же миг Джек бросился к стреле, схватил её зубами и, виляя хвостом, принёс и подал нам. Мы были этим очень довольны. Пустили стрелу опять, и Джек снова принёс её.

С тех пор пёс каждый день принимал участие в нашей стрельбе и подавал нам стрелы.

Очень скоро мы узнали, что Джек подаёт не только стрелы, но и любую вещь, которую ему бросишь: палку, шапку, мячик... А иногда он притаскивал и такие вещи, о которых его вообще никто не просил. Например, побежит в дом и принесёт из передней калошу.

— Зачем ты её принёс — ведь сухо совсем! Неси, неси назад! — смеялись мы.

Джек скачет вокруг, суёт в руки калошу и, видимо, вовсе не собирается нести её на место. Приходилось относить самим.

Джек очень любил с нами ходить купаться. Бывало, только начнём собираться, а он уж тут как тут — прыгает, вертится, будто торопит нас.

Речка в том месте, где мы купались, была у берега мелкая. Мы с хохотом и визгом барахтались в воде, брызгались, гонялись друг за другом! И Джек тоже залезал в воду, носился вместе с нами: если же ему кидали в речку палку — бросался за нею, плыл, потом брал в зубы и возвращался на берег. Часто в порыве веселья он хватал что-нибудь из нашей одежды и пускался бежать, мы же гонялись за ним

по лугу, старались отнять кепку или рубашку. А один раз вот что случилось.

Купались мы на речке вместе с папой. Папа плавал очень хорошо. Он переплыл на другую сторону и стал звать к себе Джека. Пёс в это время играл с нами. Но как только он услышал папин голос, сразу насторожился, бросился в воду, потом неожиданно вернулся, схватил в зубы папину одежду, и не успели мы опомниться, как он уже плыл на ту сторону. Следом за ним, раздуваясь, как большой белый пузырь, тащилась по воде рубашка, а брюки уже совсем намокли, скрылись под водой, и Джек едва их придерживал зубами за самый кончик. Мы просто замерли на месте, боясь, что он упустил одежду и она утонет. Однако Джек ничего не растерял и благополучно переплыл на другую сторону.

Пришлось папе плыть обратно, держа в руке одежду. Просохнуть она, конечно, не успела, и, когда мы вернулись домой, мама, увидев папу, так и ахнула:

— Что случилось? Почему ты в таком виде? Ты что, в речку упал? — Но, узнав, в чём дело, потом долго смеялась вместе с нами.

К Джеку мы очень привыкли, не расстава-

лись с ним целые дни и всё мечтали о том, когда же настанет август и папа с Джеком пойдёт на охоту. Папа обещал, что и нас тоже возьмёт с собой.

Каждое утро мы первым делом бежали к отрывному календарю, срывали старый листок и считали, сколько ещё листков осталось до августа.

Наконец остался один, последний.

В этот день папа, как только вернулся с работы и пообедал, многозначительно взглянул на нас и сказал:

— Ну-с, кто желает идти со мной готовиться к завтрашней охоте?

Конечно, повторять приглашение не пришлось. Мы с Серёжей бросились со всех ног в кабинет и уселись возле письменного стола.

Папа достал из ящика все охотничьи припасы, порох, дробь, гильзы, пыжи — и начал набивать патроны.

Мы смотрели на эти приготовления затаив дыхание.

Наконец патроны были набиты и аккуратно вставлены в широкий пояс с узенькими кармашками для каждого патрона. Такой пояс называется «патронташ».

Повесив патронташ на гвоздик, папа вынул из шкафа чехол и не торопясь достал оттуда самую интересную вещь — ружьё. Оно было двуствольное, то есть с двумя стволами. В каждый ствол вставлялся патрон, так что из такого ружья можно выстрелить два раза: сначала из одного ствола, а если промахнёшься, то, не перезаряжая, сейчас же из другого. Ружьё было очень красивое, с золотыми украшениями.

Мы осторожно потрогали его и даже попытались прицелиться, но оно оказалось слишком тяжёлым.

Когда папа набивал патроны, Джек спокойно лежал в уголке на своём коврикe. Но как только он увидел ружьё — вскочил с места, начал скакать, прыгать около папы и всем своим видом показывал, что он сейчас же готов идти на охоту. Потом, не зная, как ещё выразить свою радость, умчался в столовую, притащил с дивана подушку и так начал её трясти, что только пух полетел во все стороны.

— Что такое у вас творится? — удивилась мама, входя в кабинет.

Она отняла у Джека подушку и унесла на место.

На следующий день было воскресенье. Мы встали пораньше, поскорее оделись и уже ни на шаг не отставали от папы. А он, как нарочно, одевался и завтракал очень медленно.

Наконец папа собрался. Он надел куртку, высокие сапоги, подпоясался патронташем и взял в руки ружьё.

Джек, всё время вертевшийся у него под ногами, пулей вылетел во двор и, радостно взвизгивая, начал носиться вокруг запряжённой лошади. А потом со всего размаха вскочил на телегу и сел.

Папа и мы тоже взобрались на телегу и тронулись в путь.

— До свиданья, смотрите — с пустыми руками не возвращайтесь! — смеясь, кричала нам вдогонку мама, стоя на крыльце.

Через десять минут мы уже выехали из нашего городка и покатали по гладкой просёлочной дороге, через поле, через лесок — туда, где ещё издали поблёскивала речка и виднелась обсаженная вётрами мельница.

От этой мельницы вверх по берегу реки густо росли камыши и тянулось широкое болото. Там водились дикие утки, длинноносые болотные кулики — бекасы и другая дичь.

Приехав на мельницу, папа оставил лошадь, и мы отправились на болото.

Пока мы шли по дороге к болоту, Джек держался рядом с папой и всё поглядывал на него, будто спрашивая, не пора ли бежать вперёд.

Наконец подошли к самому болоту. Тут папа остановился, подтянул повыше сапоги, зарядил ружьё, закурил и тогда только скомандовал:

— Джек, вперёд!

Пёс, видимо, только этого и ждал. Он бросился со всех ног в болото, так что брызги во все стороны полетели.

Отбежав шагов двадцать, Джек приостановился и начал бегать то право, то влево, к чему-то принюхиваясь.

Он искал дичь. Папа не спеша, громко шлёпая по воде сапогами, шёл за собакой. А мы шли сзади, следом за папой.

Вдруг Джек заволновался, забежал быстрее, а потом сразу как-то весь вытянулся и медленно-медленно стал продвигаться вперёд. Так он сделал несколько шагов и остановился. Он стоял не двигаясь, как мёртвый, весь вытянувшись в струну. Даже хвост вытя-

нулся, и только кончик его от сильного напряжения мелко-мелко дрожал.

Папа быстро подошёл к собаке, приподнял ружьё и скомандовал:

— Вперёд!

Папа вскинул ружьё, выстрелил.

Утка как-то сразу подалась вперёд, перевернулась в воздухе и тяжело шлёпнулась в воду.

А Джек всё стоял на месте, будто замер.

— Подай, подай её сюда! — весело крикнул ему папа.

Тут Джек сразу ожил. Он бросился через болото прямо в речку и поплыл за уткой.

Вот она уже совсем рядом. Джек раскрыл пасть, чтобы схватить её. Вдруг плеск воды — и утки нет! Джек удивлённо оглянулся: куда же она делась?

— Нырнула! Раненая, значит! — с досадой воскликнул папа. — Забьётся теперь в камыши, её и не найдёшь.

В это время утка вынырнула в нескольких шагах от Джека. Пёс быстро поплыл к ней, но как только он приблизился, утка вновь нырнула. Так повторялось несколько раз.

Мы стояли в болоте, у самого края воды, и

ничем не могли помочь Джеку. Стрелять ещё раз в утку папа боялся, чтобы не застрелить случайно и Джека. А тот никак не мог поймать на воде увёртливую птицу. Зато он и не подпускал её к густым зарослям камышей, а отжимал всё дальше и дальше, на чистую воду.

Наконец утка вынырнула у самого носа Джека и сейчас же вновь скрылась под водой. В тот же миг Джек тоже исчез.

Через секунду он опять показался на поверхности, держа во рту пойманную утку, и поплыл к берегу.

Мы бросились к нему, чтобы поскорее взять у него добычу. Но Джек сердито покосился на нас, даже заворчал и, обежав кругом, подал утку папе прямо в руки.

— Молодец, молодец! — похвалил папа, беря у него дичь. — Посмотрите, ребята, как он осторожно её принёс — ни одного пёрышка не помял!

Мы подбежали к папе и стали осматривать утку. Она была живая и даже почти не ранена. Дробь только слегка зацепила её крыло, оттого она и не смогла дальше лететь.

— Папа, можно взять её домой? Пусть у нас живёт! — попросили мы.

— Ну что ж, берите. Только несите поосторожней, чтобы она у вас не вырвалась.

Мы пошли дальше. Джек лазил по болоту, искал дичь, а папа стрелял. Но нам уже это было не так интересно. Хотелось поскорее домой, чтобы устроить нашу пленницу.

Когда мы вернулись с охоты, то сейчас же принялись устраивать для неё помещение. Мы отгородили в сарае уголок, поставили туда таз с водой и посадили утку.

Первые дни она дичилась. Всё сидела, забившись в угол, почти ничего не ела и не купа-

лась. Но постепенно наша утка стала привыкать. Она уже не бежала и не пряталась, когда мы входили в сарай, а, наоборот, даже шла к нам навстречу и охотно ела мочёный хлеб, который мы ей приносили.

Скоро утка стала совсем ручная. Она ходила по двору вместе с домашними утками, никого не боялась и не дичилась. Только одного Джека утка сразу невзлюбила, наверное, за то, что он гонялся за ней по болоту. Когда Джек случайно проходил мимо, утка растопыривала перья, злобно шипела и всё старалась ущипнуть его за лапу или за хвост.

Но Джек не обращал на неё никакого внимания. После того, как она поселилась в сарае и ходила по двору вместе с домашними утками, для Джека она перестала быть дичью и потеряла всякий интерес.

Вообще домашней птицей Джек совсем не интересовался. Зато на охоте искал дичь с большим увлечением. Он мог по целым дням без усталости в жару и в дождь рыскать по полю, отыскивая перепелов, или поздней осенью, в холод, лазить по болоту за утками и, казалось, никогда не уставал.

Джек был прекрасной охотничьей собакой.

Он прожил у нас очень долго, до глубокой старости. Сперва с ним охотился отец, а потом мы с братом.

Когда Джек вовсе постарел и не мог разыскивать дичь, его сменила другая охотничья собака. К тому времени Джек уже плохо видел и слышал, а его когда-то коричневая морда стала совсем седой.

Большую часть дня он спал, лёжа на солнышке, на своей подстилке или возле печки.

Оживлялся Джек, только когда мы собирались на охоту: надевали сапоги, охотничьи куртки, брали ружья. Тут старый Джек приходил в волнение. Он начинал бестолково суетиться и бегать, тоже, вероятно, как в былое время, собираясь на охоту. Но его никто не брал.

— Дома, дома, старенький, оставайся! — ласково говорил ему папа и гладил его поседевшую голову.

Джек будто понимал, что ему говорят. Он глядел на папу своими умными, выцветшими от старости глазами, вздыхал и уныло плёлся на свою подстилку к печке.

Мне было очень жаль старого пса, и я иногда всё-таки ходил с ним на охоту, но уже не для своего, а для его удовольствия.

Джек давно потерял чутьё и никакой дичи найти уже не мог. Но зато он делал отличные стойки на всяких птичек, а когда птичка взлетала, стремглав бросался за нею, стараясь поймать.

Он делал стойки не только на птичек, а даже на бабочек, на стрекоз, на лягушек — вообще на всё живое, что ему попадалось на глаза. Конечно, на такую «охоту» ружья я не брал.

Мы бродили до тех пор, пока Джек не уставал, и тогда возвращались домой — правда, без дичи, но зато очень довольные проведённым днём.

Ушан

Охотиться я начал очень рано. Когда мне исполнилось двенадцать лет, папа подарил мне ружьё и стал брать с собой в лес и на болото.

Вот как-то осенью возвращались мы с охоты. Слез я с телеги и пошёл рядом — ноги размять. А проезжали мы через лесок. Вся дорога была завалена жёлтыми листьями: они лежали толстым пушистым слоем, шуршали

под ногами. Так я и шёл, глядя под ноги, и гнал перед собою большую пушистую волну листьев. Вдруг вижу — на дороге меж листьев что-то темнеет. Нагнулся, смотрю — зайчонок, да такой маленький!

Я так и ахнул: ведь только что здесь телега проехала, как же она зайчонка не раздавила?

— Ну, — говорю, — видно, такой ты, зайка, счастливый!

Взял я его на руки, он съёжился на ладони, сидит дрожит, а бежать и не собирается. «Возьму-ка, — думаю, — его к себе домой, может, он у меня и выживет, а то всё равно погибнет — уж очень поздно родился. Ведь скоро зима настанет, замёрзнет, бедняга, или попадёт лисе на завтрак».

Настелил я в охотничью сумку листьев, посадил туда зайчонка и привёз домой. Дома мама налила в блюдечко молока, предложила зайке. Только он пить не стал — мал ещё, не умеет. Тогда мы взяли пузырёк, вылили туда молоко, надели на пузырёк соску и дали зайчонку. Он понюхал соску, поводил усами. Мама выдавила из соски каплю молока, помазала зайчонку нос. Он облизнулся, приоткрыл рот, а мы ему туда кончик соски и всунули.

Зайчонок зачмокал, засосал, да так весь пузырёк и выпил.

Прижился у нас зайка. Прыгает по комнатам, никого не боится.

Прошёл месяц, другой, третий... Вырос наш заяц, совсем большой стал, и прозвали мы его Ушан. Жить он устроился под печкой. Как испугается чего-нибудь — прямо туда.

Кроме Ушана, у нас жил старый кот Иваныч и охотничья собака Джек.

Иваныч с Джеком были самые большие приятели. Вместе ели из одной чашки, даже спали вместе. У Джека лежала на полу подстилка. Зимой, когда в доме становилось холодно, придёт, бывало, Иваныч и пристроится к Джеку на подстилку, свернётся клубочком. Джек сейчас же к нему: уткнётся своим носом Иванычу прямо в живот и греет морду, а сам дышит тепло-тепло, так что Иваныч тоже доволен.

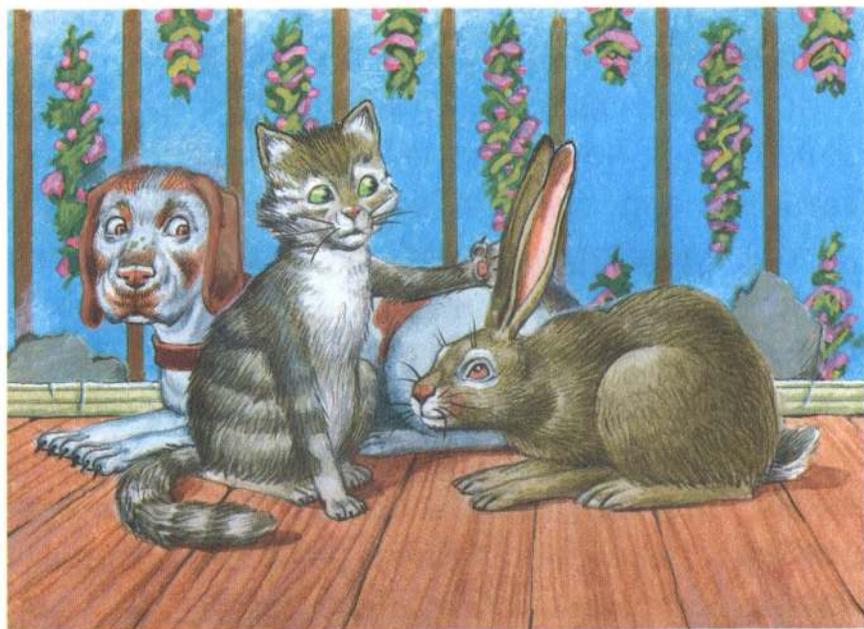
Когда в доме появился заяц, Иваныч на него не обратил никакого внимания, а Джек сначала немножко побеспокоился, но скоро тоже привык; а потом все трое очень подружились.

Особенно хорошо бывало по вечерам, когда затопят печку. Сейчас же все они к огоньку — греться. Улягутся близко-близко друг к другу и

дремлют. В комнате темно, только красные отблески от печи по стенам бегают, а за ними чёрные тени, и от этого кажется, что всё в комнате движется: и столы и стулья будто живые. Дрова в печке горят-горят, да вдруг как треснут — и вылетит золотой уголёк. Тут друзья от печи — врассыпную.

Отскочат и смотрят друг на друга, точно спрашивая: «Что случилось?» Потом понемножку успокоятся — и опять к огоньку.

А то затеют игру. Начиналось это всегда так. Вот лежат они все трое вместе, дремлют. Вдруг Иваныч Ушана легонько лапой хватить!

Раз тронет, другой... Заяц лежит-лежит, да вдруг как вскочит — и бежать, а Иваныч — за ним, а Джек — за Иванычем, и так друг за дружкой по всем комнатам. А как зайцу надоест, он марш под печку, вот и игре конец.

А перед тем как улечься спать, Ушан каждый раз, бывало, следы свои запутывал. На воле заяц всегда так делает: начинает бегать в разные стороны — то направо побежит, то налево. Если на снегу посмотреть заячий след, так и не разберёшь, куда заяц ушёл. Недаром такие следы называются «заячьи петли». Наткнётся охотничья собака на заячьи петли — пока разбирается, ходит по следу туда-сюда, а заяц уже давно услышал её и убежал.

Вот и наш Ушан каждый день, прежде чем залезть под печку, старался следы свои запутать. Бывало, прыгает взад и вперёд по комнате, выделяет свои заячьи петли, а тут же на ковре дремлет охотничья собака Джек и посматривает на него одним глазом, будто смеётся над глупым зайцем.

Так прожил у нас Ушан всю зиму. Настала весна, дружная, тёплая... Не успели оглянуться, как уже зазеленела трава. Решили мы Ушана в лес, на свободу, выпустить.

Посадил я его в корзинку, пошёл в лес и Джека с собой взял — пусть проводит приятеля. Хотел и Иваныча в корзину посадить, да уж очень тяжело нести; так и оставил дома.

Пришли мы в лес, вынул я Ушана из корзинки, пустил на траву. А он и не знает, что дальше делать, не бежит, припал к земле, только ушами шевелит.

Тут я хлопнул в ладоши. Заяц прыг-прыг! — и поскакал к кустам, Джек увидел — скорей догонять.

А Ушан всё в лес не убегает, скачет вокруг куста, и Джек за ним так и носится, будто дома.

«Вот, — думаю, — по кустам-то лучше друг за другом гоняться, чем по комнатам».

Заботливая мамаша

Как-то раз пастухи поймали лисёнка и принесли его нам. Мы посадили зверька в пустой амбар.

Лисёнок был ещё маленький, весь серый, мордочка тёмная, а хвост на конце беленький. Зверёк забился в дальний угол амбара и

испуганно озирался по сторонам. От страха он даже не кусался, когда мы его гладили, а только прижимал уши и весь дрожал.

Мама налила ему в мисочку молока и поставила тут же рядом. Но напуганный зверёк молоко пить не стал.

Тогда папа сказал, что лисёнка надо оставить в покое — пусть оглядится, освоится на новом месте.

Мне очень не хотелось уходить, но папа запер дверь, и мы ушли домой. Был уже вечер, скоро все легли спать.

Ночью я проснулся. Слышу, где-то совсем рядом тявкает и скулит щенок. Откуда же, думаю, он взялся? Выглянул в окно. На дворе уже светало. Из окна был виден амбар, где находился лисёнок. Оказывается, это он так по-щенячьи скулил.

Прямо за амбаром начинался лес.

Вдруг я увидел, что из кустов выскочила лисица, остановилась, прислушалась и крадучись подбежала к амбару. Сразу тявканье в нём прекратилось, и вместо него послышался радостный визг.

Я потихоньку разбудил маму и папу, и мы все вместе стали глядеть в окно.

Лисица бегала вокруг амбара, пробовала подрывать землю под ним. Но там был крепкий каменный фундамент, и лиса ничего не могла сделать. Вскоре она убежала в кусты, а лисёнок опять начал громко и жалобно скулить.

Я хотел караулить лисицу всю ночь, но папа сказал, что она больше не придёт, и велел ложиться спать.

Проснулся я поздно и, одевшись, прежде всего поспешил навестить лисёнка. Что такое?.. На пороге возле самой двери лежал мёртвый зайчонок.

Я скорее побежал к папе и привёл его с собой.

— Вот так штука! — сказал папа, увидя зайчонка. — Это, значит, мать-лиса ещё раз приходила к лисёнку и принесла ему еду. Попасть внутрь она не смогла, так и оставила снаружи. Ну и заботливая мамаша!

Весь день я вертелся около амбара, заглядывал в щёлки и два раза ходил с мамой кормить лисёнка. А вечером я никак не мог заснуть, всё вскакивал с постели и смотрел в окно — не пришла ли лисица.

Наконец мама рассердилась и завесила окно тёмной занавеской.

Зато утром я поднялся чуть свет и сразу побежал к амбару. На этот раз на пороге лежал уже не зайчонок, а задушенная соседская курица. Видно, лиса ночью опять приходила проведать лисёнка. Добычу в лесу ей поймать для него не удалось, вот она и залезла к соседям в курятник, задушила курицу и принесла своему детёнышу.

За курицу папе пришлось заплатить, к тому же здорово досталось от соседей.

— Убирайте лисёнка куда хотите, — кричали они, — а то с ним лиса всю птицу у нас переведёт!

Делать было нечего, пришлось папе посадить лисёнка в мешок и отнести назад в лес, к лисьим норам.

С тех пор лиса в деревню больше не приходила.

Аистята

Один год мы прожили на Украине, в небольшой станице, среди сплошных вишнёвых садов.

Неподалёку от нашего дома росло старое дерево. И вот однажды ранней весной на него прилетел и уселся аист. Он долго что-то осматривал, неуклюже переступая на своих длинных ногах по толстому суку. Потом улетел.

А на следующее утро мы увидели, что на дереве хлопотали уже два аиста.

Они устраивали гнездо.

Скоро гнездо было готово. Аистиха снесла туда яйца и стала их высидывать. А аист то улетал за кормом на болото, то стоял около гнезда на сучке, поджав под себя одну ногу. Так, на одной ноге, он мог простоять очень долго, даже мог немного вздремнуть.

Когда в гнезде вывелись аистята, для старых аистов начались большие хлопоты. Птенцы были очень прожорливы. Они целый день требовали еды, и аисты-родители по очереди с утра до вечера таскали им из болота лягушек, рыбёшек, ужей.

Пока один из аистов летал за кормом, другой стоял на краю гнезда — караулил птенцов. Как только он замечал подлетавшего к гнезду второго аиста, он закидывал голову на спину и громко трещал клювом, словно трещоткой. Ведь аисты кричать не умеют и приветствуют друг друга, часто-часто щёлкая клювом.

Прилетевший отдавал добычу детям и садился отдыхать у гнезда, а другой аист тут же улетал охотиться за лягушками на болото.

Так аисты целые дни по очереди кормили птенцов. А когда те подросли и стали ещё прожорливее, тут уж оба родителя начали вместе летать и добывать детям корм.

Прошло ещё недели полторы, и вдруг один из аистов-родителей исчез. Что с ним случилось, неизвестно: может, его убили, а может, и сам от чего-нибудь погиб.

Вот когда настала трудная пора для оставшегося аиста! Птенцы стали уже совсем большими. Их было трое, и они требовали очень много еды.

Как только начинало светать, аист уже спешил на болото за добычей, приносил её, совал в рот одному из птенцов и, не отдыхая ни минуты, летел обратно на охоту.

Так он трудился до позднего вечера.

Нам было очень жаль бедную птицу, но мы не знали, чем ей помочь.

Один раз мы пошли ловить на речку рыбу. Возвращаемся домой и видим, что все три аистёнка тянут из гнезда свои длинные шеи, открывают клювы и просят есть. А аиста около гнезда нет. Значит, на болоте лягушек ловит.

— Что, если попробовать их рыбой покормить? — предложил мой товарищ.

В тот же миг мы залезли на дерево. Увидев нас, аистята заволновались, засуетились, чуть из гнезда не попадали.

Но вот один из них заметил в руках у меня рыбёшку. Аистёнок потянулся к ней, схватил клювом и проглотил. Другие сейчас же последовали его примеру.

Мы отдали аистятам всю нашу рыбу, слезли с дерева и тут только увидели старого аиста. Он поспешно подлетел к гнезду и стал беспокойно осматривать, всё ли там в порядке.

С этих пор мы каждый день начали кормить аистят: ловили специально для них рыбок и лягушек.

Аистята очень быстро смекнули, в чём дело.

Как только мы влезали на дерево, они все разом тянули к нам из гнезда свои длинные шеи и раскрывали рты, прося, чтобы мы их накормили.

Наконец наши питомцы совсем выросли. Они покрылись перьями и начали вылетать из гнезда. И тут нам от них просто житья не стало — аистята не давали нам проходу. Стоило только показаться на дворе, как они слетали с гнезда и опрометью бросались к нам, требуя еды.

А взрослый аист как будто понял, что и без него дело обойдётся: всё реже и реже приносил детям корм. Большую часть дня он или бродил по болоту, поедая лягушек, или дремал на дереве возле гнезда. Аист дремал на дереве, а в это время аистята гонялись за нами по двору, требуя еды.

Однажды они увязались с нами на болото. Там было много лягушек. Аистята начали ловить их сами и вовсе забыли про нас. С этого дня они каждое утро стали летать на болото — охотиться за лягушатами и другой добычей.

Лето кончалось. Все аисты собирались в стаи, готовясь к отлёту. Наши тоже перестали ночевать на дереве у гнезда — наверное,

примкнули к какой-нибудь стае, и мы уже начали забывать о своих питомцах.

Но вот как-то раз идём мы с рыбной ловли домой. Смотрим — по лугу разгуливает стая аистов. Заметили нас, насторожились — сейчас полетят. Вдруг видим — от стаи отделяются три аиста и направляются прямо к нам.

— Да это же наши аистята! — обрадовались мы и начали манить их рыбой.

И вот эти большие дикие птицы подбежали к нам, захлопали крыльями, засуетились — так и хватают рыбу из рук! Схватит рыбёшку клювом, подбросит вверх, перехватит поудобнее и проглотит, а потом от удовольствия даже голову на спину закинет и клювом защёлкает.

Наши аисты рыбу из рук едят, а вся стая издали смотрит. Шеи вытянули, глядят — ничего, видно, понять не могут.

Наелись аистята, клювами в благодарность похлопали и обратно к стае вернулись. А мы домой пошли.

Больше мы их не видели.

Холодно стало. Улетели они на тёплый юг.

Белая шубка

В ту зиму снег долго не выпадал. Реки и озёра давно льдом покрылись, а снега всё нет и нет.

Зимний лес без снега казался хмурым, унылым. Все листья с деревьев давно опали, перелётные птицы улетели на юг, нигде не пискнет ни одна птичка; только холодный ветер посвистывает среди голых обледенелых сучьев.

Шёл я как-то с ребятами по лесу, возвращались мы из соседней деревни. Вышли на лесную поляну. Вдруг видим — посреди поляны над большим кустом вороны кружат. Каркают, летают вокруг него, то вверх взлетят, то на землю сядут. Наверное, думаю, они там какую-то еду себе нашли.

Стали ближе подходить. Заметили нас вороны — одни в сторону отлетели, по деревьям расселись, а другие и улетать не хотят, так над головой и кружат.

Подошли мы к кусту, смотрим: что-то под ним белеет, а что — сквозь частые ветки и не разберём.

Раздвинул я ветки, гляжу — заяц, белый-

белый, как снег. Забился под самый куст, прижался к земле, лежит не шевельнётся.

Кругом всё серое — и земля и опавшие листья, а заяц среди них так и белеет.

Вот почему он воронам на глаза попался — оделся в белую шубку, а снега-то нет, значит, и спрятаться ему, белому, негде. Дай-ка попробуем его живьём поймать!

Просунул я руку под ветки, тихонько, осторожно, да сразу цоп его за уши — и вытащил из-под куста!

Бьётся заяц в руках, вырваться хочет. Только смотрим — одна ножка у него как-то странно болтается. Тронули её, а она переломана! Значит, сильно его вороны потрепали. Не приди мы вовремя, пожалуй, и совсем бы забили.

Принес я зайца домой. Папа достал из аптечки бинт, вату, забинтовал зайцу сломанную ножку и посадил в ящик. Мама положила туда сено, моркови, мисочку с водой поставила. Так у нас зайка и остался жить. Целый месяц прожил. Ножка у него совсем срослась, он даже из ящика выскакивать начал и меня вовсе не боялся. Выскочит, побегает по комнате, а как зайдёт ко мне кто-нибудь из ребят, под кровать спрячется.

Пока заяц у нас дома жил, и снег выпал, белый, пушистый, как зайкина шубка. В нём зайцу легко прятаться. В снегу не скоро его заметишь.

— Ну, теперь можно его и обратно в лес выпустить, — сказал нам однажды папа.

Так мы и сделали — отнесли зайца в ближайший лесок, попрощались с ним да и выпустили на волю.

Утро было тихое, накануне ночью насыпало много снега. Лес сделался белый, мохнатый.

В один миг наш заяц в заснеженных кустах исчез.

Вот когда ему белая шубка пригодилась!

Лесной голосок

Солнечный день в самом начале лета.

Я брожу неподалёку от дома в берёзовом перелеске. Всё кругом будто купается, плещется в золотистых волнах тепла и света. Надо мной струятся ветви берёз. Листья на них кажутся то изумрудно-зелёными, то совсем золотыми. А внизу под берёзами по траве тоже, как волны, бегут и струятся легкие синеватые тени.

И светлые зайчики, как отражения солнца в воде, бегут один за другим по траве, по дорожке.

Солнце и в небе, и на земле... И от этого становится так хорошо, так весело, что хочется убежать куда-то вдаль, туда, где стволы молодых берёзок так и сверкают своей ослепительной белизной.

И вдруг из этой солнечной дали мне послышался знакомый лесной голосок: «Ку-ку, ку-ку!»

Кукушка! Я уже слышал её много раз, но никогда ещё не видал даже на картинке. Какая она из себя? Мне почему-то она казалась толстенькой, головастой, вроде совы. Но, может, она совсем не такая? Побегу погляжу.

Увы, это оказалось совсем не просто. Я — к ней на голос. А она замолчит и вот снова: «Ку-ку, ку-ку!» — но уже совсем в другом месте.

Как же её увидеть? Я остановился в раздумье. А может, она играет со мною в прятки? Она прячется, а я ищу. А давай-ка играть наоборот: теперь я спрячусь, а ты поищи.

Я залез в куст орешника и тоже кукукнул раз, другой. Кукушка замолкла — может, ищет меня? Сажу молчу и я, у самого даже сердце колотится от волнения. И вдруг где-то неподалёку: «Ку-ку, ку-ку!»

Я молчок: поищи-ка лучше, не кричи на весь лес.

А она уже совсем близко: «Ку-ку, ку-ку!»

Гляжу: через поляну летит какая-то птица, хвост длинный, сама серая, только грудка в тёмных пестринках. Наверное, ястребёнок. Такой у нас во дворе за воробьями охотится. Подлетел к соседнему дереву, сел на сучок, пригнулся да как закричит: «Ку-ку, ку-ку!»

Кукушка! Вот так раз! Значит, она не на сову, а на ястребка похожа.

Я как кукукну ей из куста в ответ! С перепугу она чуть с дерева не свалилась, сразу вниз с сучка метнулась, шмыг куда-то в лесную чащу, только её и видел.

Но мне и видеть её больше не надо. Вот я и разгадал лесную загадку, да к тому же и сам в первый раз заговорил с птицей на её родном языке.

Так звонкий лесной голосок кукушки открыл мне первую тайну леса. И с тех пор вот уж полвека я брожу зимою и летом по глухим, непроходимым тропам и открываю всё новые и новые тайны. И нет конца этим извилистым тропам, и нет конца тайнам родной природы.

Содержание

Лесное эхо	5
Пушок	12
Сиротка	15
Кот Иванны	20
День рождения	28
Воршишка	43
Дружба	47
Сир-Сирь	50
Джек	61
Ушан	76
Заботливая мамаша	81
Аистята	85
Белая шубка	90
Лесной голосок	92

Для младшего школьного возраста

Георгий Алексеевич Скребицкий

ЛЕСНОЙ ГОЛОСОК

Рассказы

Художник А. Воробьев

Редактор *М. Калугина*
Художественный редактор *Н. Василевская*
Компьютерная верстка *А. Игнашина*
Корректоры *Т. Тарасова, Н. Бучарова*

Подписано в печать 22.09.03. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 6.
Гарнитура «Pragmatica». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ № 3501.

«Стрекоза-Пресс», 113054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 21, стр. 3.
(Лицензия ИД № 04289 от 15.03.01)

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской Федера-
ции по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для реализации:
(095) 268-33-90, 269-58-13, 269-15-55,
269-21-00, 269-40-13, (0872) 41-06-37
107076, г. Москва, Стромынский пер., 4.

E-mail: strecoza@df.ru

Наш сайт: www.strecoza.ru

Интернет-магазин: shop@strecoza.ru

Стрекоза-Пресс

*Когда в доме появился заяц,
Иваныч на него не обратил никакого
внимания, а Джек сначала немножко
побеспокоился, но скоро тоже привык,
а потом все трое очень сдружились.*

ISBN 5-94563-213-9

9 785945 632134 >